

Русская литература

№ 2

Историко-литературный журнал

2012

Издается с января 1958 года

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Д. М. Буланин. Изборник 1076 года и споры о национальных приметах в древнейших славянских переводах	3
К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И. А. ГОНЧАРОВА	
А. В. Вдовиц (Эстония). Два новонайденных автографа Гончарова (по материалам РГАВМФ)	31
А. Г. Гродецкая. Милитриса Кирбитьевна в «Обломове», или Об органично противоречивом в поэтике Гончарова	34
К. Ю. Зубков. Лакуны учебника: роман «Обломов» в средней школе	39
В. А. Котельников. И. А. Гончаров в идеологических и общественных коллизиях 1862—1867 годов	51
Н. В. Калинина. Дантовы координаты романа «Обрыв»	67
С. Н. Гуськов. Poleмика, которой не было (из истории критики романа «Обрыв»)	80
С. В. Денисенко. О прототипах и персонажах «Литературного вечера» И. А. Гончарова (из заметок комментатора к первоначальному и печатному текстам)	90
А. Ю. Балакин. Неизвестные страницы воспоминаний А. Ф. Кони о Гончарове	97

ИЗ СОБРАНИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО МУЗЕЯ ПУШКИНСКОГО ДОМА

Е. В. Кочнева. К истории создания мраморного бюста А. С. Шишкова	105
--	-----

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

В. А. Мысляков. Лисемский в истории литературных дуэлей	115
---	-----

В. С. Измолик. Н. С. Лесков и «черные кабинеты»	142
Г. М. Ребель. Чеховские вариации на тему «тургеневской девушки»	144
Е. А. Бусыгина. Книга лирики «Эрос» Вячеслава Иванова в восприятии современников .	170
К. С. Корконосенко. Семь «Зайцев»: о вариантах перевода одного рассказа В. Бласко Ибаньеса	187
Т. В. Мисникевич, Леа Пильд (<i>Эстония</i>). Игорь Северянин — переводчик поэзии Хенрика Виснапуу	192
Ли Чжи Ен (<i>Республика Корея</i>). Проблема «автора и героя» в «Старухе» Даниила Хармса (к дешифровке абсурдистского текста)	203

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Е. Д. Кукушкина. М. В. Ломоносов в контексте литературной культуры XVIII века	213
А. В. Вознесенский. Старообрядческие издания в каталоге Российской государственной библиотеки	217
Г. В. Петрова. «...Аромат одаренной, исключительно тонкой души...»	228
Р. Ю. Данилевский. Новые книги о русско-немецком общении	233
Д. В. Токарев. Швейцарская книга о «незамеченном поколении» русской эмиграции	235

ХРОНИКА

М. Ю. Степина. Вторые Некрасовские чтения в Пушкинском Доме	239
Э. К. Александрова. Презентация «Русско-итальянского архива» (т. VIII)	245
А. Ю. Соловьев. Круглый стол «М. В. Ломоносов и русская литература»	248
Н. О. Егорова. Международная научная конференция «Восток, Россия и Европа: интеллектуальные маршруты Константина Леонтьева»	251
М. Ю. Софийская. Круглый стол «Поэт Николай Некрасов: поэтика и миропонимание» (к 190-летию со дня рождения Н. А. Некрасова)	255

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

Главный редактор *В. Е. БАГНО*

Редакционная коллегия:

Е. В. АНИСИМОВ, Д. М. БУЛАНИН, М. Н. ВИРОЛАЙНЕН, Г. Я. ГАЛАГАН
(зам. главного редактора), *А. А. ГОРЕЛОВ, В. Я. ГРЕЧНЕВ,*
И. Ф. ДАНИЛОВА (отв. секретарь редакции), *Н. Н. КАЗАНСКИЙ,*
В. А. КОТЕЛЬНИКОВ, Н. Д. КОЧЕТКОВА, А. В. ЛАВРОВ, А. М. МОЛДОВАН,
С. И. НИКОЛАЕВ, Ю. М. ПРОЗОРОВ, Н. Н. СКАТОВ, А. Л. ТОПОРКОВ,
С. А. ФОМИЧЕВ, Т. С. ЦАРЬКОВА

Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.
Телефон/факс (812) 328-16-01
e-mail: rusliter@mail.ru

© Е. А. Бусыгина

**КНИГА ЛИРИКИ «ЭРОС» ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА
В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННОКОВ**

Сборник стихотворений Вяч. Иванова «Эрос»¹ был напечатан в самом конце декабря 1906 года с опозданием против намеченных сроков.² Это сравнительно не-

¹ *Иванов Вяч. Эрос.* СПб.: Оры, 1907. 86 с.

² Об этом можно судить на основании письма Л. Д. Зиновьевой-Аннибал к М. М. Замятниной от 1 января 1907 года: «„Эрос“ вышел вчера в магазины» (*Кузмин М. А. Дневник 1905—1907 / Предисл., подг. текста и комм. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина.* СПб., 2000.

большая по объему книга, состоящая из 34 стихотворений. Через несколько лет «Эрос» был полностью включен в первый том этапного собрания лирики поэта «Cor Ardens» (М.: «Скорпион», 1911—1912, ч. 1—2), которое стало складываться еще в 1906 году. Первая часть «Cor Ardens» состоит из трех книг: «Cor Ardens», «Speculum Speculorum», «Эрос» (с приложением цикла сонетов «Золотые Завесы»); вторая — из двух: «Любовь и смерть» и «Rosarium».

Истоки замысла «Эроса» связаны с житнетворческими опытами Вяч. Иванова. В силу чего подлинное понимание «Эроса» было доступно лишь узкому кругу посвященных и органически связано со статьями 1900-х годов, в которых поэт требовал «преодоления индивидуализма», «погружения в целое и всеобщее».³ Сам он познал такое «погружение» благодаря большой любви: «две души чудесно обрели друг друга» и «разрушили заклятье разделения» — так об этом позднее написала Ольга Дешарт в первой биографии поэта.⁴ В концепции Вяч. Иванова Эрос есть «страстное устремление ко всему, что человек плотью и духом»⁵ и обретение на этом пути Другого. «Кольцо обособленного сознания, замкнутость и отвлеченность познания, по Иванову, размыкается эротической связью».⁶ Житнетворческие установки, направленные на преодоление индивидуализма и на вовлечение в этот семейный союз «двух» лиц из своего ближайшего окружения, а затем «многих» и «всех», получили в «Эросе» художественное претворение. Как известно, Сергею Городецкому и Маргарите Сабашниковой было уготовано важное место в этих жизненных экспериментах, которые состоялись на Башне и были задуманы Вяч. Ивановым.

«Эрос» Вяч. Иванова стал первой книгой, выпущенной издательством «Оры» (1907—1912), и одновременно — публичным идейно-эстетическим опытом самовыражения «башенного» сообщества и образцом для последующих манифестаций «башенной» эстетической культуры. Секретарем «Ор» стал М. Л. Гофман, посвятивший этому эпизоду несколько ярких страниц своих мемуаров.⁷ В «Орах» вышли еще две книги Вяч. Иванова — «По Звездам. Статьи и афоризмы» (1909) и сборник лирики «Нежная Тайна. ЛЕПТА» (1912), а также следующие однотипно

С. 504). М. А. Кузмин отметил появление сборника 4 января 1907 года в своем дневнике: «Вышел „Эрос“» (Там же. С. 303). 8 января Вяч. Иванов писал А. М. Ремизову: «Примите „Эрос“ (...) Книга только сегодня появилась в магазинах и доставлена мне» (Вячеслав Иванов: Материалы и исследования. М., 1996. С. 91), а на следующий день — В. Я. Брюсову: «Сегодня лишь он появился в свет. Брошюрчик подвел» ([Брюсов В.] Переписка с Вячеславом Ивановым. 1903—1923 / Предисл. и публ. С. С. Гренишкина, Н. В. Котрелева и А. В. Лаврова // Лит. наследство. 1976. Т. 85: Валерий Брюсов. С. 495). Один из инскриптов опубликован: «Александр Антонович Курсынский с товарищескою симпатией и на добрую память. Автор» (Автографы поэтов серебряного века: Дарственные надписи на книгах / Сост. Т. В. Аветисова и др.; Под ред. Е. И. Якунок и др. М., 1995. С. 311). Зафиксированы и другие дарительные надписи Вяч. Иванова. См.: на книге стихов «Эрос» — «Федору Сологубу с любовью и почитанием Вячеслав Иванов» (*Сологуб Ф.* Журнал с перечнем книг, которые ему подарены авторами, с копиями их автографов // ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. № 59. Л. 19).

³ Тема эроса неоднократно оказывается объектом размышления Вяч. Иванова в статьях 1900-х годов: «Копье Афины» (1904), «Новые маски» (1904), «Символика эстетических начал» (1905), «Предчувствия и предвестия» (1906), «Ты еси» (1907).

⁴ См. об этом подробнее: *Иванов Вяч.* Собр. соч.: В IV т. Брюссель, 1974. Т. II. С. 756—764. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома римской цифрой, страницы — арабской.

⁵ *Иванов Вяч.* Спорады // Иванов Вяч. По Звездам. Статьи и афоризмы. СПб.: Оры, 1909. С. 349.

⁶ *Цимборска-Лебода М.* Эрос в творчестве Вячеслава Иванова: На пути к философии любви. Томск; М., 2004. С. 98. См. также: *Трифонова Л. Л.* Эрос соборности — идея дионисийства в философии любви Вяч. И. Иванова // Вестн. Амур. гос. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. Благовещенск, 2000. Вып. 10. С. 33—35; *Пономарева Г.* Концепция Эроса и «среды» Вяч. Иванова // Литературный процесс и проблемы литературной культуры. Материалы для обсуждения. Таллин, 1988. С. 87—90.

⁷ *Гофман М. Л.* Петербургские воспоминания // Воспоминания о Серебряном веке / Сост., авт. предисл. и комм. В. Крейд. М., 1993. С. 376.

оформленные издания других авторов: «Тайга» Г. Чулкова (1907), «Лимонарь» А. Ремизова (1907), «Снежная Маска» А. Блока (1907), «Тридцать три урожая» и «Трагический зверинец» Л. Зиновьевой-Аннибал (обе книги: 1907); «Комедии» М. Кузмина (1908), «Идиллии и элегии» Ю. Верховского (1910), «Стихотворения» А. Скалдина (1912) и др.; здесь увидел свет альманах «Цветник Ор» (1907). Из письма Вяч. Иванова к В. Брюсову от 26 февраля 1907 года хорошо видно, сколь важное место в планах поэта занимали книги его издательства: «Напечатать об „Орах“. Появятся очень скоро: „Трагический зверинец“, „Снежная маска“, „Тайга“, „Лимонарь“, „Перун“, „По звездам“, „Ad Rosam“.⁸ Все под станком».⁹

Не вызывает удивления поэтому и то, что среди многочисленных тем, интенсивно обсуждавшихся на Средах в петербургском салоне Вяч. Иванова, на знаменитой Башне, присутствовала тема Эроса. Ей была специально посвящена Среда 7 декабря 1905 года, во многом стилизованная под аналогичную беседу в «Пире» Платона. Детальное описание этой встречи, сделанное по свежим следам, находим в письме Л. Д. Зиновьевой-Аннибал к М. М. Замятниной от 11 декабря 1905 года; оно содержит пересказ выступлений отдельных ораторов и наиболее полное перечисление присутствовавших (А. А. Блок, А. Белый, А. М. Ремизов, Л. И. Габрилович, Г. И. Чулков, А. А. Кондратьев, Вл. Пяст и др.).¹⁰

Несмотря на многократные утверждения о том, что претворение житетворческого опыта поэта и его эстетических идей в сборнике «Эрос» заслуживают особого внимания, один важный аспект, а именно реакция на эту книгу в писательских кругах, еще не привлек исследователей. Критические отзывы о сборнике стихов Вяч. Иванова — это, в первую очередь, ценные свидетельства современников, взгляд активных и заинтересованных участников литературного процесса. По тону и стилистике, а также по уровню осмысления художественного материала рассмотренные ниже рецензии на сборник «Эрос», отпечатанного крайне малым тиражом, весьма разнородны. Необходимо выделить два рода откликов: рецензии, исходящие из ближайшего окружения поэта, от тех, кто был связан с ним интеллектуально и биографически, и тех, кто был знаком с ним более отдаленно.

К первой группе отзывов относятся печатные рецензии Максимилиана Волошина, Евгении Герцык, Валерия Брюсова (в обзоре «Новые сборники стихов»), Сергея Соловьева, Сергея Городецкого, Анастасии Чеботаревской.¹¹ К ним примыкают: обширный пассаж об «Эросе» в книге Модеста Гофмана,¹² рассмотрение «Эроса» в статье Владимира Пяста о поэзии Вяч. Иванова,¹³ а также две статьи С. Городецкого: «Огонь за решеткой: Лидия Зиновьева-Аннибал», «Ближайшая задача русской литературы». Из эпистолярных отзывов нам известен один — в письме Сергея Троцкого к Вяч. Иванову от 16—17 января 1907 года.¹⁴ Как явствует из

⁸ Сборник стихов М. Волошина «Ad Rosam» (в объявлении при книге «Трагический зверинец» именуется «Звезда-полюнь»; в «Орах» не вышел).

⁹ [Брюсов В.] Переписка с Вячеславом Ивановым. С. 497.

¹⁰ Впервые полностью опубликовано в кн.: Богомолов Н. А. Вячеслав Иванов в 1903—1907 годах: Документальные хроники. М., 2009. С. 142. Здесь же см. отсылки к свидетельствам А. М. Ремизова, Н. А. Бердяева и А. Белого о знаменитой Среде. О том значении, которое Среда 7 декабря 1905 года сыграла для ее внутреннего опыта, вспоминала позднее и М. В. Сабашникова (см.: Волошина М. Зеленая Змея: История одной жизни / Пер. с нем. М. Н. Жемчужниковой. М., 1993. С. 151—153).

¹¹ Выходные данные статей, упоминаемых в этом абзаце, смотри ниже по ходу изложения.

¹² Гофман М. Соборный индивидуализм. СПб., 1907. С. 101—103.

¹³ Пяст Вл. Вячеслав Иванов // Книга о русских поэтах последнего десятилетия: Критические очерки; Стихотворения и автографы-автобиографии / Под ред. М. Гофмана. СПб.; М., 1909. С. 272.

¹⁴ РГБ. Ф. 109. Карт. 35. Ед. хр. 46. Л. 1—5. Два фрагмента из него приведены А. В. Лавровым в предисловии к «Воспоминаниям» С. В. Троцкого в кн.: Вячеслав Иванов: Материалы и публикации (Сост. Н. В. Котрелев) // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 45 (Историко-литературная сер.; вып. 1).

его недатированного письма к Зиновьевой-Аннибал, отрецензировать «Эрос» соби-
рался и П. В. Безобразов.¹⁵

Впервые стихи Вяч. Иванова Максимилиан Александрович Волошин (1877—1932) прочел в Париже в марте 1904 года; их личное знакомство состоялось в конце июля того же года в Женеве.¹⁶ В «автобиографическом» автографе Волошин называл Эреда, Бальмонта и Вяч. Иванова среди тех, у кого он «учился вла-
деть стихом».¹⁷ Попытки Вяч. Иванова и Зиновьевой-Аннибал вовлечь в «жизне-
строительство» М. В. Сабашникову вызвали охлаждение во взаимоотношениях Во-
лошина и Иванова, но не привели к разрыву.

В этой ситуации особенного внимания заслуживает тот факт, что первым от-
кликом на сборник стала статья Волошина «„Эрос“ Вяч. Иванова».¹⁸ Она появи-
лась в газете «Русь» 28 декабря 1906 года в авторском цикле «Лики творчества».¹⁹
Для ее написания Волошин пользовался корректурой сборника.²⁰ Поэт указывает в
своем отзыве, что лирический сборник Вяч. Иванова — «книга заклинаний, при-
зывающих древнего бога на землю». Под его личиной, отмечает Волошин, «явился
иной бог, имя которого до сих пор не было названо, бог более древний и более мо-
гущественный, чем Вахх-Дионис».²¹ М. Волошин подчеркивает, что Эрос, имя ко-
торого стоит в заглавии книги Вячеслава Иванова, — не бог чувственной страсти,
но что он «связует воедино единого, но рассеченного на два пола человека».

Волошин указал и философский источник книги — диалог Платона «Пир». Ссылаясь на Сократа, передающего откровения Диотимы, поэт отмечает, что нача-
ло преодоления раздвоенности заложено в любви, в слиянии душ.

Далее автор рецензии выделяет стихотворения, связанные с образом Диотимы,
наставлявшей Сократа в тайнах Эроса: «Змея», «Целящая» и «Кратэр». Он указы-
вает, что третье стихотворение, посвященное Диотиме, — «Кратэр», «примиряет
Диотиму-Змею с Диотимой-Целящей», и напоминает о том, что в этой священной
чаше «производились возлияния богам», что именно в ней Эрос смешивал мужское
и женское, что «Эрос-Демон через преступление ведет к познанию Вечной Краси-
ты». В финале этой «трагической книги» Волошин склонен увидеть «светлую при-
мирность» и вновь отсылает читателей к одному из излюбленных Ивановым пла-
тоновских мифов об Эросе — «сыне бедности».²²

В рецензии Волошин затронул темы, которые получили дальнейшее развитие
в лекции «Пути Эроса (Мысли и комментарии к Платонову «Пиру»)», прочитан-
ной поэтом на Башне в ночь с 14 на 15 февраля 1907 года²³ (повторена 27 февраля
1907 года в заседании московского Литературно-художественного кружка).²⁴

¹⁵ РГБ. Ф. 109. Карт. 12. Ед. хр. 16. Л. 1 (сообщено А. Л. Соболевым).

¹⁶ См. комментарии Е. Л. Белькинд в кн.: *Волошин М.* Собр. соч. М., 2007. Т. 6. Кн. 1: Проза 1906—1916. Очерки, статьи, рецензии / Под ред. В. П. Купченко и А. В. Лаврова. С. 624.

¹⁷ *Волошин М. А.* Автограф // Книга о русских поэтах последнего десятилетия... С. 365.

¹⁸ Накануне выхода сборника М. А. Волошин сообщил А. М. Петровой (дек. 1906): «Вяч(еслав) Иван(ов) на днях выпускает поразительную книгу „Эрос“» (*Волошин М.* Собр. соч. М., 2010. Т. 9: Письма 1903—1912. С. 263). Вскоре после публикации отклика М. В. Волошина писала М. А. Волошину: «Очень интересно, что ты написал про „Эрос“» (РГБ. Ф. 109. Карт. 15. Ед. хр. 11. Л. 4; недатированное письмо; сообщено А. Л. Соболевым).

¹⁹ Русь. 1906. 28 дек. № 88. С. 3. См. то же: *Волошин М.* Собр. соч. Т. 6. Кн. 1. С. 30—39.

²⁰ См.: *Волошин М.* Собр. соч. Т. 9. С. 262.

²¹ Там же. Т. 6. Кн. 1. С. 33.

²² Там же. С. 38.

²³ Описание этого собрания у Ивановых см. в письме Л. Д. Зиновьевой-Аннибал к М. М. Замятниной от 17 февраля 1907 года (приведено в статье: *Богомолов Н.* «Мы — два гро-
зой зажженные ствела» // Анти-мир русской культуры. Язык. Фольклор. Литература. М., 1996. С. 308; то же см.: *Богомолов Н. А.* Русская литература первой трети XX века: Портреты. Проблемы. Разыскания. Томск, 1999. С. 239).

²⁴ Текст выступления впервые опубликован: Неизданные лекции М. Волошина / Пре-
дисл., публ. и прим. А. В. Лаврова // Максимилиан Волошин. Из литературного наследия.

Краткая запись об этой Среде и выступлении М. Волошина на ней имеется в дневнике М. А. Кузмина от 14 февраля 1907 года: «Пошли к Ивановым, народу была куча, читали о поле Волошин, Бердяев, Иванов...»²⁵ Согласно Кузмину (дневниковая запись от 16 февраля 1907 года), Волошин предполагал опубликовать свой реферат в очередном выпуске альманаха «Факелы»: «Волошин будет читать в Москве реферат о „пути любви“, цитируя меня, и поместит его в „Факелах“».²⁶ В лекции Волошина «Пути Эроса» сказались атмосфера собраний у Вяч. Иванова,²⁷ вдохновленная темами интеллектуальных дискуссий и «жизнетворческих» экспериментов на Башне. Хотя Волошин и цитирует в ней стихи Вяч. Иванова из разных поэтических сборников, однако прямых отсылок именно к «Эросу» в ней нет.

Знакомство переводчицы и критика Евгении Казимировны Герцык (1878—1944) с Вяч. Ивановым относится к концу 1905 года. Их первая встреча произошла во время одной из поездок в Петербург, где Е. Герцык сотрудничала в журнале «Вопросы жизни». В то время Евгения Казимировна работала над статьей «О Тантале Вяч. Иванова».²⁸ Для сестры Е. Герцык — Аделаиды Казимировны (поэтессы, переводчицы и эссеиста) Вяч. Иванов также стал учителем и наставником. Именно он был инициатором первой поэтической публикации Аделаиды Герцык — цикла «Золот ключ» в альманахе «Цветник Ор. Кошница первая» (1907).

Евгения Герцык часто приезжала из Москвы в Санкт-Петербург и останавливалась на Башне, где пережила счастливые и тяжелейшие моменты своей духовной и личной жизни. Наиболее интенсивные отношения связывали ее с поэтом в 1907—1908 годах. В целом они были длительны и сложны, что прослеживается по воспоминаниям, дневникам и письмам Герцык.²⁹

Ее статья о сборнике стихотворений «Эрос» Вяч. Иванова вышла в 1907 году в «Золотом руно». Герцык были близки главные идеи Вяч. Иванова: она считала важным, прежде всего, подчеркнуть религиозный культ Эроса в качестве преобразующей жизненной силы: «„Эрос“ Вяч. Иванова — книга вещь, религиозная, в ней поведана новая и вечная мистерия любви и жертвы всеожжения, она — колыбель-судьба новых веяний нашей жизни и поэзии».³⁰ Е. Герцык была посвящена в проблематику жизнестроительных экспериментов и явно на это здесь намекала. В рецензии на «Эрос» она не отделяет лирического героя от поэта: лирика Вяч. Иванова — непосредственное переживание его души, излившееся в стихи.

В период собраний на Башне в 1905—1907 годах личность Вяч. Иванова воспринималась в неразрывном единстве с образом Зиновьевой-Аннибал через призму мифа Платона о Диотиме; Л. Д. Зиновьева-Аннибал осознавалась поэтом как «по-

СПб., 1999. II. С. 13—38. Переиздан: *Волошин М.* Собр. соч. М., 2008. Т. 6. Кн. 2: Проза 1900—1927. Очерки, статьи, лекции, рецензии, наброски, планы. С. 208—235.

²⁵ *Кузмин М. А.* Дневник 1905—1907. С. 321.

²⁶ Там же. С. 322.

²⁷ Описывая одну из первых ивановских Сред, 7 декабря 1905 года, Зиновьева-Аннибал сообщала в письме к Замятниной от 11 декабря 1905 года: «Вяч(еслав) предложил устроить по примеру „Пира“ — собеседование о Любви» (*Богомолов Н. А.* Вячеслав Иванов в 1903—1907 годах: Документальные хроники. С. 142). Ср. также: «Всегда было желание у В. Иванова превратить общение людей в Платоновский симпозион, всегда призывал он Эрос» (*Бердяев Н.* Ивановские среды // *Русская литература XX века. 1890—1910* / Под ред. проф. С. А. Венгерова. Т. III. Кн. 8. М., 1918. С. 97—98).

²⁸ *Герцык Е. К.* О Тантале Вячеслава Иванова // *Вопросы жизни.* 1905. № 12. С. 163—175.

²⁹ Перечислю наиболее авторитетные издания ее разнообразного литературного наследия: *Герцык Е.* Воспоминания: Мемуары, записные книжки, дневники, письма / Сост., текстолог, авт. вступ. статьи и комм. Т. Н. Жуковская. М., 1996; *Герцык Е. К.* Лики и образы / Под ред., сост. комм. Т. Н. Жуковской. М., 2007; *Сестры Герцык.* Письма / Сост., авт. комм. Т. Н. Жуковская. СПб.; М., 2002.

³⁰ *Герцык Е.* [Рец. на кн.:] Вяч. Иванов. Эрос. СПб., 1907 // *Золотое руно.* 1907. № 1. С. 90.

стоянный источник вакхического наслаждения и соблазна».³¹ Об этом открыто написала и Герцык: «Вокруг имени Диотимы-вещуны любви, Диотимы-змеи, развязавшей „чарый хмель” поэта, и Диотимы, целящей тем же хмелем страсти и милости, возникает третья песнь и, обретая все большую силу, змеиными кольцами глушит недопетую, несбывшуюся волю».³² Герцык находит сборник пророческим, провидящим новые явления, обреченные возникнуть в жизни и в поэзии, и акцентирует внимание на том, что «Эрос» «носит воистину гиератический и соборный характер».³³ Именно на жизнетворческий аспект книги поэтесса кратко, но ярко указала и в своих позднейших мемуарах.³⁴

Сборник «Эрос» не остался незамеченным и ведущим печатным органом русского символизма — журналом «Весы». Его главного редактора Валерия Брюсова и Вяч. Иванова связывали прочные дружеские отношения, неоднократно осложнявшиеся в связи с расхождениями их эстетических воззрений.

Книга лирики Вяч. Иванова была отрецензирована Брюсовым в обзоре поэтических новинок вместе со сборниками А. Блока «Нечаянная Радость» и С. Городецкого «Ярь».³⁵ Брюсов признает, что эти сборники принадлежат к числу редких по своим достоинствам книг и несходны между собой. В книге Городецкого «господствующий пафос „Яри” — переживание первобытного человека, души, еще близкой к стихиям природы». Среди наиболее интересных стихотворений рецензент выделяет те, в которых «выступают образы старославянской мифологии и старорусских верований»; в «Нечаянной Радости» Блока подчеркивает «ясный свет высоко поднявшегося солнца»; «Эрос» Иванова отмечает как «блестящую страницу из большой и многообразной книги его творчества, короткое *intermezzo* в ряду других работ мастера».³⁶

В отзыве на «Эрос» Брюсов подчеркнул прежде всего единство настроения объединенной здесь лирики, что позволяет говорить о сборнике как о «единой лирической поэме»: «Эрос — это поэма о том, как бог Дионис явился, под неожиданной личиной, своему усердному служителю. Это явление и мучительно-сладостные переживания, связанные с близостью бога, и составляют предмет поэмы».³⁷ В отличие от других, «более холодных созданий», Брюсов особенно отмечает «страстность», «живой трепет» «новой поэмы» Вяч. Иванова.³⁸

Этот отзыв существенен в контексте эстетических расхождений двух поэтов, все более дававших о себе знать в это время. Вяч. Иванов выдвигал перед символистским искусством «жизнетворческие», «теургические» задачи, которые не были созвучны Брюсову и журналу «Весы», и, наоборот, находили отклик в сердцах «младших» символистов — прежде всего, Андрея Белого и Александра Бло-

³¹ *Сегал (Рудник) Н. М.* Мифологема Диотимы: Вячеслав Иванов и Борис Пастернак // Вячеслав Иванов: Исследования и материалы / Отв. ред. К. Ю. Лаппо-Данилевский, А. Б. Шишкин. СПб., 2010. Вып. 1. С. 194.

³² *Герцык Е.* [Рец. на кн.:] Вяч. Иванов. Эрос. С. 90.

³³ Там же. С. 91.

³⁴ «Искуситель для других — каким же он был искусителем для самого себя! Зазывание Вакха, потрясение тирсом для него не пустая игра. Свидетельство этому — его замечательный лирический цикл „Эрос”. Он вправду наколдовал себе виденье страшного и сладостного демона (...) „Лирика не развлечение, — сказал как-то в более поздние годы Вяч. Иванов, — тот, кто испытывает лирическое волнение, знает, что оно иссушает все силы, преследует, испепеляет”» (*Герцык Е. К.* Из воспоминаний // Герцык Е. К. Лирика и образы. М., 2007. С. 159).

³⁵ *Брюсов В.* Новые сборники стихов // Весы. 1907. № 2. С. 83—86. Переизд.: *Брюсов В.* Среди стихов: 1894—1924. Манифесты. Статьи. Рецензии. М., 1990. С. 224—228.

³⁶ *Брюсов В.* Новые сборники стихов. С. 83.

³⁷ Там же. С. 86.

³⁸ Брюсов так характеризовал в конце июля 1907 года свой отзыв об «Эросе» в письме к Вяч. Иванову: «А мое отношение к тебе как к поэту выразилось в моей рецензии на „Эрос”, где я прямо отказался судить тебя, признав тебя в числе тех, кто выше суда своих современников» (*Брюсов В.*) Переписка с Вячеславом Ивановым. 1903—1923. С. 500).

ка.³⁹ Кардинальное различие поэтических кредо Брюсова и Иванова сказывалось в «заклятии» Ивановым «проникающей» творчество Брюсова «декадентской», «иллюзионистической» стихии. Свое понятие реалистического символизма, противопоставляемого идеалистическому символизму Брюсова, Иванов сформулировал год спустя, в статье «Две стихии в современном символизме» (1908); сущность этих двух художественных методов он сформулировал следующим образом: «Реалистический символист ставит свою задачу беспримесноеприятие объекта в свою душу и передачу его чужой душе. Напротив, художник-идеалист или возвращает вещи иными, чем воспринимает, переработав их не только отрицательно, путем отвлечения, но и положительно, путем присоединения к ним новых черт, подсказанных ассоциациями идей, возникшими в процессе творчества, — или же дает неоправданные наблюдения сочетания, чада самовластной, современной его фантазии».⁴⁰

В контексте эстетических расхождений между старшими символистами и младшими более пристального внимания заслуживает отзыв на «Эрос» Сергея Михайловича Соловьева (1885—1942), внука историка С. М. Соловьева, племянника философа Вл. Соловьева, единомышленника и Андрея Белого, и Блока. В 1900-е годы С. М. Соловьев жил преимущественно в Москве и, если и был знаком с Вяч. Ивановым, то, скорее всего, не близко. О пиетете перед старшим собратом по перу можно все же судить, например, по его письму к Вяч. Иванову от 12 декабря 1906 года, доверительному по содержанию, подписанному: «Ваш почитатель и ученик Сергей Соловьев» (в нем, в частности, он спрашивал у Иванова совета — печататься ли ему в «Перевале» или нет).⁴¹ Будучи заметным участником символистского движения, Соловьев никогда не был в нем на первых ролях, а его первая книга «Цветы и ладан» (1907) была сурово оценена Брюсовым как «не вышедшая за пределы перепевов и подражаний».⁴² В предисловии к ней автор назвал в качестве своих «главных образцов» — Горация, Ронсара, Пушкина, Кольцова, Баратынского, Брюсова и Вяч. Иванова.⁴³

В краткой рецензии на «Эрос» С. Соловьев подчеркнул античные истоки творчества Вяч. Иванова. При этом он не коснулся жизнетворческого аспекта книги, видимо, сказавшись непричастность к собраниям на Башне. Говоря о том, что уже «первый стих книги зачаровывает грустно-нежной мелодией», рецензент отмечает, что подобные стихи встречаются в греческой антологии, а в русской поэзии — у Пушкина. Приводя подборку цитат из стихотворений «Эроса» («Ты, чье имя печалит созвучно сердцу свирелью...», «Целящая», «Кратэр», «Утешитель»), Соловьев выстраивает сюжет, внятный лишь тем, кто был знаком с идеями Вяч. Иванова о древних страдающих божествах (Орфей, Дионис) как предшественниках Христа: «Муза Вячеслава Иванова улыбается, когда на ее золотых ресницах еще не высохли слезы. Слезы о погибшем. О источниках, где смолкли игры наяд, о роцах,

³⁹ Здесь имеет смысл указать, что в год выхода сборника из печати Блок цитировал стихи из «Эроса» в статье «О лирике» (1907), а три года спустя в докладе «О современном состоянии русского символизма» (1910) вспомнил «Вызывание Вакха» из той же книги лирики: «Я вижу ясно „зарницу меж бровями туч“ Вакха («Эрос» Вяч. Иванова)» (Блок А. Полн. собр. соч.: В 20 т. М., 2003. Т. 8: Проза (1908—1916). С. 128). «„Эрос“, — писал Блок поэту Эллису (Л. Л. Кобылинскому) 5 марта 1907 года, — совсем уже не книга и не стихи, пожалуй, это — чистая лирика, которая всегда болотна и проклята» (Блок А. Собр. соч.: В 8 т. / Под ред. В. Н. Орлова, А. А. Суркова, К. И. Чуковского. М.; Л., 1963. Т. 8: Письма. 1898—1921. С. 182).

⁴⁰ Иванов Вяч. Две стихии в современном символизме // Золотое руно. 1908. № 3/4. С. 89.

⁴¹ РГБ. Ф. 109. Карг. 34. Ед. хр. 60. Л. 1—2.

⁴² Брюсов В. Среди стихов. 1894—1924: Манифесты. Статьи. Рецензии. С. 231—232. Впервые: Весы. 1907. № 5.

⁴³ См.: Соловьев С. Цветы и ладан. М., 1907. С. 10.

оставленных богом. Улыбка — о грядущей радости. О девичьей утробе, которая вместит небо; о яслях младенца — Орфея».⁴⁴

Вполне органичным оказывается в этом контексте завершение рецензии латинской цитатой из четвертой эклоги Вергилия, в которой христианская традиция видит пророчество о рождении Христа.

Еще один отзыв в том же году был написан Сергеем Митрофановичем Городецким (1884—1967) — поэтом, прозаиком, переводчиком и драматургом, в судьбе которого Вяч. Иванову выпало сыграть исключительную роль. Городецкий пережил первый подлинный успех на вечере 19 января 1906 года, когда он прочел стихи на Башне в присутствии Брюсова. Вскоре Брюсов напечатал стихи Городецкого в «Весах» (1906, № 6), а Вяч. Иванов пленился поэзией и личностью Городецкого. Между «Ярью» (СПб., 1907) Городецкого и «Эросом» Вяч. Иванова существует глубинная связь. Так, например, Китоврас — не только один из образов «Яри», но и одно из прозвищ самого Городецкого, полученное им в «Обществе друзей Гафиза».

В обзорной статье «Три поэта»⁴⁵ Городецкий отмечает, что В. Брюсов, Вяч. Иванов и К. Бальмонт имеют исчерпывающее значение для поэзии «вчерашнего» дня. Все трое связаны общим кризисом, попыткой преодолеть индивидуальную изоляцию и слиться с людьми и коллективной жизнью. Здесь несомненно слышится отзвук идей «мистического анархизма», направленного на преодоление индивидуализма, — идеологической платформы, объединявшей в это время Вяч. Иванова, Городецкого и Чулкова.⁴⁶

Городецкий считает Вяч. Иванова «поэтом варварской России», который «дал работу русской литературе на десятилетия», что он «поэт оды по преимуществу», что он «пережил свой кризис в какой-то глуши личной жизни, в солнечной вражде с неумолимым Эросом», — и вот «уединенность чужой души уже невыносима и вызывает ропот».⁴⁷ Городецкий ссылается на «Ропот», «Нищ и светел» и другие стихотворения из «Эроса» в качестве показательных примеров преодолеть индивидуализм и слиться с людьми.

Следующим по времени откликом на «Эрос» был отзыв Анастасии Николаевны Чеботаревской (1877—1921), сестры Ал. Н. Чеботаревской. Впоследствии Ан. Чеботаревская вышла замуж за Ф. Сологуба. Впервые Анастасия Чеботаревская упоминается среди посетителей Среды 21—22 сентября 1905 года.⁴⁸

В своей рецензии на «Эрос» Ан. Н. Чеботаревская подчеркивает, что «Вяч. Иванов принадлежит к той очень маленькой группе поэтов и мыслителей, которые внесли в затхлую, омертвелую атмосферу „Парнаса“ свежую струю эллинской жизнерадостности и правда еще неясные, но дорогие нам предчувствия о грядущем „соборном и всенародном“ искусстве».⁴⁹ Анализируя современную ему культурную ситуацию, Иванов постулировал закат «декадентства» и «парнассизма» и нарождение «группы теургов», «мифотворческого» течения в новой русской литературе (Городецкий, Ремизов, Блок, Кузмин и др.).⁵⁰

⁴⁴ Соловьев С. [Рец. на кн.:] Вяч. Иванов. Эрос. СПб.: Оры, 1907 // Перевал. 1907. № 4. С. 65. Пользуюсь случаем выразить признательность А. Л. Соболеву за ряд ценных советов, сделанных во время написания статьи.

⁴⁵ Городецкий С. Три поэта // Перевал. 1907. № 8—9. Июнь—Июль. С. 86—89.

⁴⁶ Самоопределение «мистического анархизма» связано прежде всего с книгой статей Г. Чулкова «О мистическом анархизме», которую снабдил предисловием Вяч. Иванов (Чулков Г. И. О мистическом анархизме. Со вступ. статьей Вяч. Иванова о неприятии мира. СПб.: Факелы, 1906).

⁴⁷ Городецкий С. Три поэта. С. 87.

⁴⁸ Богомолов Н. А. Вячеслав Иванов в 1903—1907 годах: Документальные хроники. С. 129.

⁴⁹ Чеботаревская Ан. [Рец. на кн.:] Вяч. Иванов. Эрос. СПб.: Оры, 1907 // Книга. 1907. № 13. С. 12.

⁵⁰ В связи с этой проблематикой см. подробнее: Корецкая И. В. Вяч. Иванов и «Парнас» // Вяч. Иванов. Материалы и исследования / Ред. В. А. Келдыш, И. В. Корецкая. М., 1996. С. 274—291.

Ан. Чеботаревская ставила Вяч. Иванова «как поэта ниже мыслителя и художника» и не была удовлетворена патетическим языком «Эроса», полагая, что бог любви «должен и говорить более легким, воздушным и грациозным языком». ⁵¹ Среди «ярких и жгучих стихотворений» рецензентка выделяет «Змею», «Сад роз», «Зарю любви», «Печать».

Наиболее полный отзыв об «Эросе» содержится в письме Вяч. Иванову Сергея Витальевича Троцкого (1880—1942) от 16—17 января 1907 года. ⁵² Фигура Троцкого, литератора и философа, близкого друга семьи Вяч. Иванова, в последнее время нередко привлекает внимание исследователей; он неизменно упоминается в документальных свидетельствах о жизни Башни. ⁵³ С середины 1900-х годов Троцкий стал постоянным посетителем квартиры Ивановых и участником собраний на Башне, ⁵⁴ в ходе которых по большей части исполнял роль слушателя и наблюдателя. Вплоть до отъезда Вяч. Иванова за границу в мае 1912 года, их общение было особенно тесным. Иванов ценил дружескую преданность Троцкого весьма высоко: обращение к нему «нежный мой брат» в стихотворении «Соловьиные чары» ⁵⁵ — знак искренней привязанности и душевного созвучия.

Письмо С. В. Троцкого к Вяч. Иванову является важным источником для интерпретации «Эроса». Троцкий размышляет по поводу только что вышедшей в свет книги стихов Иванова. Эти размышления любопытны и как образец восприятия поэтической системы автора и отдельных стихотворений книги в ближайшей «сочувственной» среде, и как вариация на ивановские мотивы. Приведем текст письма: ⁵⁶

«16 янв(аря)<19>07

Мне все надо и надо говорить с вами, Вячеслав Иванович; а идти-то к вам — не пойду еще; вы, вероятно, хлопочете, если здоровы. Здоровы ли вы?

Быть может, придет пора, когда и мой чарый хмель запоет, кем-то развязан. А теперь хочется плести неровный развод моих мыслей.

В новой обители, в новой башне высокой все помыслы мои, когда я с вами. Это — я все тот же, но во всех проявлениях внешней жизни я освобожден; за это освобождение вам Бог пошлет.

⁵¹ *Чеботаревская Ан.* [Рец. на кн.:] Вяч. Иванов. Эрос. СПб.: Оры, 1907. С. 12.

⁵² РГБ. Ф. 109. Карт. 35. Ед. хр. 46. Л. 1—4 об.

⁵³ Вяч. Иванов писал о С. В. Троцком в «Послании на Кавказ» (1912): «...помещик-дилетант / Теодицей тончайших рукодельник, / А сердце — воск и ярая свеча» (III, 56). См. также: *Иванова Л.* Воспоминания. Книга об отце / Подг. текста и комм. Д. Мальмстада. Paris, 1990. С. 110; *Альтман М. С.* Разговоры с Вяч. Ивановым / Сост. и подг. текстов В. А. Дымшица и К. Ю. Лаппо-Данилевского. СПб., 1995 (по указателю); *Кузмин М. А.* Дневник 1905—1907 (по указателю); Из дневников Л. Д. Рындиной // Богомолот Н. Вокруг «серебряного века»: Статьи и материалы. М., 2010. С. 394; *Шишкин А. Б.* Бакинская запись С. В. Троцкого в дневнике Вяч. Иванова 1924 года // *Donum homini universali*: Сборник статей в честь 70-летия Е. В. Котрелева. М., 2011. С. 392—402.

⁵⁴ О своем появлении на Башне Троцкий позднее писал: «А. В. (Андрей Белый. — Е. В.) дал мне визитную карточку с надписью Вячеславу Иванову — просьба принять меня на его знаменитые среды на Башне. Так А. В. стал золотым мостом в моей жизни, переправившим меня на сторону тех, кто оказался тончайшим цветением русской культуры (...) У В. И. нашлось долгое время для знакомства со мною. Он как бы исповедал меня; а я с абсолютной легкостью открылся ему весь» (*Троцкий С. В.* Воспоминания (Публ. А. В. Лаврова) // Вячеслав Иванов: Материалы и публикации / Сост. Н. В. Котрелев. М., 1994. С. 48).

⁵⁵ Стихотворение «Соловьиные чары» вошло в книгу Вяч. Иванова «Нежная Тайна. ЛЕПТА» (см.: III, 610); стихотворение «Роза ночей» вошло в пятую книгу «Cor Ardens» — «Rosarium» (см.: II, 509—510). В «Воспоминаниях» Троцкий писал о стихотворении «Соловьиные чары»: «Сам Иванов потом сказал мне: „Простите меня; я по рассеянности не поставил посвящения, но стихи эти — ваши, они посвящены вам; так и знайте”» (*Троцкий С. В.* Воспоминания. С. 55).

⁵⁶ Примечания к тексту письма сделаны публикатором. Письмо разделено на две части; римской цифрой «II» Троцкий, по-видимому, отметил часть, написанную несколько позднее.

(I)

В Эросе от „Сада роз” до „Зари Любви” жутко и светло зовет любовь. Не жалкое неведение и не девический страх перед мужем-врагом, а целомудрие познания неотвратно на нас глядит и опускает взоры, постигая. Чудится близко запах мудрых корней в земле и еще нет, еще розы млеют и каплет звон из урн. Еще утро, полное всего грядущего дня, но оно утро великое. Ветка души. Зачем мне об этом говорить, когда вы знаете? Ведь вы знаете о великом Утре, уже не ночи, даже не заре, а Утре? Все ведомо и все впереди, разоблачено и нетронуто, познано и цело. Это молитва перед светлым погребением.

А потом, волей Рока вы колдуете у ложа, как у пропасти, вызывая железным голосом осуществленную невозможность. Я позволяю себе этот язык, потому что заморожен вашими стихами. Мне страшновато от заклинания. В чем-то я вижу осуществленную невозможность любви. Зло и благо, дар и съеденье. Розы осыпались и затопили красными листьями, ворохами раскаленного железа. И вот, уже Печать легла. Свершилось, замолчало, вечная молния зажглась; верность стала привратницей совсем неуклонной и вечной.

Потом „Сирень” я не понимаю. Потом торжество в „Жарбоге” и вера чудная, с высоты больших помыслов о мире дарящая этот мир, все прилагающая щедро; все будет, не затихнет, не охолодеет. Благо — легкий полет, влекущий мир в светлую пору обожествления и благо — падение к широким низинам Хаоса, светя, горя и зажигая. А все приложится, и ты — мой. Среди огня смрадного воскресение улыбается из-за каждого облачка. Не говорю о философии этих стихов.

„Три жала” безжалостно спутаны для меня незнаньем „Стримна” и „Орфея-вакхоборца”. А предузнаю томительную и колдовскую правду этого стиха. Только заронились хорошо слова, „по тебе я изгасну в глухих кручинах”. Как это хорошо! „Вызывание Вакха” я слишком знаю.

Меня тормозит загадка слов: „презренье — имя мне” в „Двойнике”. Захолодеть в жару, ослепнуть в свете и замуроваться во всеобнимании — так я понимаю? Он стихийной неизведанной ревностью запер; спустил в землю, не только взрыл луга копытом, но могилу глубины разрыл. Так я понимаю? Зачем же презрение? За немощь в проявлении? за то, что нельзя кричать и светиться? Не понимаю. А стих, „про тебя, мое солнце,⁵⁷ про любовь мою” вы из моей души взяли.

О „Ропоте” что сказать? — Я знаю. Не по-людски и не по-божьи... Вот он какой! Волнуйтесь моим пониманием. Иногда молитесь за меня, за мою свободу; быть может, я стою.

Не самая ли огромная правда в „Расколе”? Когда отхлынут страсти и спадут их белые пелены, что тогда? Хаос? — Нет. Бело? — нет. Черно? — нет. Видно! и вижу я такое, нечто современное, не пророчливое и не воспоминающее. Трезво, скупно, глубоко, светло, бездомно, страшно. Роет, гложет — хорошие слова, звучащие сущностью рассевшихся камней; пески — их детища. Хрустит, скребет — еще подобные слова. И есть чего-то много и все-то нáдвое, нáдвое, вот тут, так современно перед носом стало. Это — куча уже отслуживших стрел Эроса, быть может, годных на подтопку... на пожар вечного искания, пожар оправданья холода мирского.

В „Ожиданьи” мои слезы выплаканы.

Вот он и пришел. И сердце прынет, — канет.

И у солнца есть туман, пред лучом его — роса. А земля — его жена; а земля — его могила, что лучи в себе сокрыла и из тленья возвратила солнцу пест(р)ые цветы. Но покуда, раскаленный, он сверкать и жить желает, шлет земля покровы мгляны, нежной влаги дым, прохлады, колыбель из облак белых, песни нежного чельня; — мать поет свои ученья.

⁵⁷ Имеется в виду стихотворение «Двойник».

„Дверь” и „Лета”. Какими словами мне говорить, когда вы уже сказали? За эти два стиха вам слава, слава.

Не знаю, что значит „Симпосион”. „Антэрос”. Потом „Гермес”; его не понимаю. Жаль. Мило. Похороны кончаются словом Воскреситель. Благодаря веселому ритму стиха его философическая мысль кажется приветливой.

(17 (января)) Перечел „Гермеса” и понял, кажется. Я не совсем знаю верованье о Гермесе.

„Порука”. В гордом утверждении последняя мольба. От смертного сна поднять. После падения отца, после отпадения от отца сладостная могила самоубийцы. Любовь, ужели подымет? Гордо утверждение, конечно мольба! Прекрасна вера творца любви и веры; еще мудрее „Сон”. В этих стихах есть яд кощунства над необъятной силой Бога, давшего всемогущество человеку и не исчерпавшего в человеке всемогущества своего. Не в состоянии передать моей мысли, она только что зародилась. Пытаюсь, однако, еще высказаться. Не нам искушать Господа Его милостью, *par sa clémence farouche*.⁵⁸ Пусть мы могли бы войти к Иокасте, но не должны сбрасывать, хотя бы и любовью, ее ласки, ее дары, сон и видение сна, тайну и радость ее, молчанье и благое его бремя. Не надо воскресать, надо ждать боя и восхитительно Воскресение — последний дар и в нем последнее огромное искупление. Понял ли я все? Не знаю, все равно.

II

Вся прекрасная загадка в „Матери” в последней строке, „кровосмешенья древних нег”. Хотя Ева была скорее дочерью Адама, его сестрой... Но Ева — жизнь; из этой мысли легко перешагнуть через ложе Иокасты и встретиться с гермафродитизмом, несомненно бывшем в начале, сущем и теперь в духе. Если первой ступенью счасть смешение полов в индивидууме, второй — разделение их во всем человеке, а третьей — новое соединение их, то вы начинаете этот последний период, так как вы наглухо забыли чадородие, вы будто у последней двери, что эта „дурная бесконечность” кончается. Это — ваше богатство, но и бедность.

Вот, кровосмешение древнее. Могила и познание. Эрос облачается в черные ткани, берет меч, ведет к своему алтарю. Мы — жертва воскресению. Мы — дети самоубийства, самолюбления и самозарождения. Темно и хаотично, ночное колдовство, зачавшее день. Как странно из ярых противоположностей вылетают огни жизни. Смешением не уяснится нам Божие, даже кровосмешением. (Воспевая смерть, воспойте и чадородие, — они — брат и сестра.) Была когда-то светлая Заря, утраченная нами. Она где-то, где-то за полетными мирами, за игрою солнц, за стремительным бегом мировых теней, в терему тихом, в молчанье благоговейном ждет и тихо плачет. О слезах ее жемчужных, бесценных говорил иногда Христос: и тогда он возносил нас, в этих словах далекого голоса милое бесконечно и тихое ожидание древней Зари; ее слезы тихие! о них думать божественно. Она погибла в какой-то мировой катастрофе; не погибла, но покрылась, отошла. И самые древние сказания, кажется, утопили в памяти этой катастрофы... больше колдуют и воркочат и не льют звонкой мудрости, светлой — светлее солнца; не говорят о всесолнце.

Но вот, вы орлу бросаете укоризну и гоните его в другое царство. Змея возлюбила взмах орлиный всей памятью былых чудес. Странно, что когда я писал о Матери, я забыл об Орле и захотелось, захотелось мне говорить о древней Заре. А вы сказали о ней, какой вы добрый! Но уже в Небосводе потухла эта Заря! Свято, свято и великолепно все на небосводе, и бессмертный и всемогущий Эрос скачет по царству своему через гроба и венцы, влача и восхищая. Где его век, там „кощунст-

⁵⁸ Истинным его милосердием (*фр.*).

вует сурово о запредельности и забытии времен". Быть может, он и там? Там его тихое ложе? Все — брак, говорят. Но есть же, есть же дар нам, есть образ Девы-Матери, Зари Христовой; обетованье неизреченное есть. Пусть Эрос — царь царей, но я хочу, чтобы не любить.

Вы не мечтали о моей Заре. И в благодатные любви ощутили многое. Истома — одна из ваших милых, глубоких речей. Вот зодчий дерзновенный и трижды правый мечтает мудро о завершении, вот художник говорит о правде творца — слуги Эроса.

„Кратэр” — гимн брачный, гром ложа земного, вулкан дела, правое отречение человека. В „Пожаре” восхитительно братаетесь с Эросом, меняясь факелами, по обычаю кавказцев, обменивающихся при братаньи кинжалами. „Голос царя”. Огонь — самая манящая стихия. (Поразительно, что говоря о «Пожаре», я помнил только его последние две строки; а «братство», «стихия» — забыл. Я чувствую вас вероятно.)

Наконец, мудрый звонкий стих „Утешителя”. Толкования к нему не надо; чуть раздвинешь завесу непривычности и на утомленного путем, на запыленного путника проливается вода. Красота и мудрость — целящая сестра вашей песни.

„Нищ и светел”. Благо Вам, благо, любящий, сильный принять тяжелое золото, ладан и смиру волхва и кудесника — Эроса. Роздали и сберегли несчетно. И меня не забыли, Вячеслав Иванович. Вас можно любить сильно. Вас жалко за то, что в любви вы всю землю подымаете на рамена свои, как верный язычник и как светлый христианин. Змий и голубь. Я не увлекаюсь хвалой, я растроган вашим талантом, я обрадован светло встречей с вашей душой. Мир Вам.

Не подумайте, что я хотел мерять свои силы в игре Олимпийской с Макс(имилианом) Ал(ександровичем);⁵⁹ это только упрек словесности, по мере сил исполненный вашим учеником, как вы учили.

Видали ли вы меня во сне в ночь с 16 на 17? Вы совсем замучили меня в эту ночь: я видел сон.

(21 (января)) Когда я переписывал это письмо, мой четырехлетний племянник спросил, кому я пишу. „Своему другу”. — „А он плакал?” — „Плакал”.

Кажется, я понял люциферианство в соединении с христианством (грехопадение, искупление, победа неволи милостью; зло — самосъеденье; приобщение древа познания к плодоносящим Богу).

С. Т.»⁶⁰

Письмо Троцкого представляет наиболее развернутый отзыв об «Эросе» Вяч. Иванова и одновременно — летопись его интимного переживания почти каждого стихотворения этой книги. Троцкий стремится и проникнуть в замысел своего друга (порой честно признаваясь, что это ему не удастся), и вынести на его суд свои интерпретации, и развить ивановские мифологемы в духе эстетических идей символизма, воспринятых им на Башне. При таком «чтении», предполагавшемся Вяч. Ивановым и его единомышленниками, не менее важным, чем сам художественный текст, овеванный религиозно-мистическим ореолом, оказывались даваемые им импульсы, его способность погружать душу читателя в мир трансцендентных образов. Таким образом, письмо Троцкого, помимо всего прочего, — ответная реплика в состоявшемся диалоге поэта-символиста с его читателем.

Следующим откликом стал отзыв Модеста Людвиговича Гофмана (1887—1959), которого с 1906 года связывали близкие отношения с Вяч. Ивановым и с его семьей. Гофман был долгое время влюблен в В. К. Шварсалон. Судя по дневникам

⁵⁹ Из этого упоминания явствует, что Троцкий был знаком с рецензией М. Волошина на «Эрос» Вяч. Иванова.

⁶⁰ Письмо С. В. Троцкого к Вяч. Иванову от 16—17 января 1907 года // РГБ. Ф. 109. Карт. 35. Ед. хр. 46. Л. 1—4.

Кузмина, он 18 ноября 1908 года сделал ей предложение и получил отказ: «Он [Се-режа] приехал с рассказами, что у Ив(ановых) целая трагедия. Вера рыдала, Мо-дест хотел стреляться и т. п.». ⁶¹

В 1907 году Гофман выпустил книгу «Соборный индивидуализм», написанную под определяющим влиянием Иванова, проповедовавшего «хоровое» начало в культуре. Вяч. Иванов ставил задачу преодоления индивидуализма, через мифотворче-ское волево искусство выхода к «соборности», к надындивидуальной религиозной общности людей. Очерк «Соборный индивидуализм» — попытка обоснования объе-динения в современной культуре традиционного европейского индивидуализма и утопической «соборности» в духе Вяч. Иванова, ставшего фактическим редактором книги: «Не меньшую роль, чем начало эротическое, играет в религии Диониса и начало соборности: в общем оргиастическом безумии, выхождении из себя, Дионис соединяет между собою отъединенных индивидуумов, гибнущих (по Анаксиманд-ру) за свое отъединение, обособление в своих раковинках». ⁶²

В «Соборном индивидуализме» обозначен идейный субстрат книги Иванова, преемственный по отношению к «Пиру» Платона. Здесь Гофман имел в виду план тематики и композиции — речи о любви в структуре симпозиона. Модест Гофман был свидетелем как создания книги «Эрос», так и ее восприятия среди поэтов и гостей Башни. Несколько разделов «Соборного индивидуализма» основаны на бесе-дах с Вяч. Ивановым и отражают его идеи, как параллель между Дионисом и Христом и стремлением к соборному индивидуализму: «В тесном союзе с Эросом является Дионис, Эросом является и Христос, но еще хаотический, смутный в Ди-онисе, до конца просветлен, одухотворен в Христе: Эрос Христа стал божеским, или иначе Бог стал Эросом». ⁶³

Гофман утверждает, что искусство легче всего вдохновляется из области рели-гии и Эроса: Искусство «по преимуществу берет себе содержание религиозное и эротическое. Нетрудно убедиться в том, что Эрос религиозен, метафизичен. Родив-шись из фаллического культа, Эрос просветляется в Дионисе, окончательного же просветления и одухотворения достигает в Христе». ⁶⁴ В связи с этими идеями он находит подтверждение в стихотворениях из «Кормчих Звезд», «Прозрачности» и «Эроса» («Нищ и светел»).

В 1908 году С. Городецкий в некрологической статье «Огонь за решеткой: Ли-дия Зиновьева-Аннибал», ⁶⁵ посвященной разбору трех книг Зиновьевой-Аннибал («Кольца», «Тридцать три уroda» и «Трагический зверинец»), подверг рассмотре-нию учение о вселенской любви, которая пытается переступить ограничения тра-

⁶¹ Кузмин М. А. Дневник 1908—1915 / Предисл., подг. текста и комм. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб., 2005. С. 90. Сохранился экземпляр сборника стихов Гофмана «Кольцо. Тихие песни скорби» (1907) с дарительной надписью В. К. Шварсалон:

«Дорогой любимой Вере
— Свет от Света.

Модест

5 XI. 1907.» (РГБ. Ф. 109. Карт. 42. Ед. хр. 45; в книгу вписано также его стихотворение «В торжественности льда, в застывших ясных взорах...»).

Об окончательном расхождении с Вяч. Ивановым Гофман позднее вспоминал: «С осени 1909 года я стал все более отдаляться от Вячеслава Иванова и от „башни“. (...) В 1909 году я думал, что женюсь на Вере, хотя до меня и доходили слухи, которым я не верил, что Вячеслав Иванов стал мужем своей падчерицы; в 1910 году стало совершенно несомненным, что моей женитьбы никогда не будет. Не только Вячеслав удалял меня от Веры, но и сама Вера явно избегала меня» (Гофман М. Петербургские воспоминания // Воспоминания о Серебряном веке / Сост., авт. предисл. и комм. В. Крейд. М., 1993. С. 377—378).

⁶² Гофман М. Соборный индивидуализм. С. 22.

⁶³ Там же. С. 46.

⁶⁴ Там же. С. 95.

⁶⁵ Городецкий С. Огонь за решеткой: Лидия Зиновьева-Аннибал // Золотое руно. 1908. № 3—4. С. 95—98.

гического женского существования: «Великая, вселенская любовь, любящая все, весь мир, всю землю, все живое, все человечество, всего человека».⁶⁶ По мнению Городецкого, Зиновьева-Аннибал показывает борьбу в женской душе двух любовных начал, личного и мирового, любви к одному и всей любви, борьбу и победу второго. В связи с этим Городецкий цитирует стихи из «Эроса» («Взгрустит кумиротворец-гений / Все глину мять да мрамор сечь / И в облик лучших воплощений / Возмнит свой замысел облечь. / И человека он возжаждет / И будет плоть боготворить» (II, 380)) и ссылается на идеи Вяч. Иванова, часто без прямого упоминания.

В статье 1909 года «Ближайшая задача русской литературы»⁶⁷ он обсуждает важность новых идей в области поэзии, выбирая самые главные достижения и сравнивает «Лимонарь» Ремизова и «Эрос» Вяч. Иванова относительно их развития в литературе: «В Иудее он был бы пророком, и зачарованная толпа ходила бы за ним. В России он непонимаемый поэт или мудреный версификатор. Многие его стихи перегружены религиозными переживаниями и приближаются часто к орaculaм, но ценность его работ от этого не понижается. Вместе с Белым он завоевал новые для поэзии области».⁶⁸ Важно отметить главную идейно-эстетическую установку Городецкого: апология «реалистического символизма» в противовес «идеалистическому» (см. об этом выше в связи с Брюсовым).

Считая Иванова великим поэтом своего времени, Городецкий взял для своего анализа «Эрос» потому, что он «исключителен по напряжению творчества, и это напряжение в невидимой связи стоит с революцией». Апелляция Вяч. Иванова к языческому славянству как первоисточку жизненных сил, также вызывает сочувствие Городецкого; он при этом не мог не видеть в стихах мэтра аллюзий на образы собственной «языческой» книги стихов — «Яри» (1907), рождавшейся в период особенной творческой близости поэтов. В рецензии Городецкий отмечает, что «Эрос», небольшой лирический сборник, полон славянизмов, и цитирует строки из «Целящей» в качестве примера соединения античных образов со славянскими: «Книжка „Эрос“ представляется мне маленькой лабораторией, где впервые химически соединились два далеких на первый взгляд мира: античный и славянский. Это соединение никак нельзя признать случайным результатом совпадений в одном человеке симпатий к двум различным мирам. Оно имеет глубокий исторический смысл. Закон, выводимый Зелинским, гласит: путь к возрождению для всякого народа лежит только через античность. Оттого-то, так нерасторжимы, несмотря на всю нелепость, в стихах Иванова образы античные с образами славянскими».⁶⁹

В 1909 году появляется отзыв Владимира Алексеевича Пяста (наст. фамилия — Пестовский; 1886—1940) — поэта, мемуариста, переводчика, критика, рассматривающего «Эрос» в обзоре творчества Вяч. Иванова, помещенном в собранной Гофманом «Книге о русских поэтах последнего десятилетия». Вл. Пяст был частым посетителем Башни в течение зимы 1905/06 года, а также присутствовал на Среде, посвященной эросу. «Я „не преминал“ воспользоваться приглашением. И вместе с {...} философом В. Ф. Эрном был первым гостем на первой „среде“, начавшей 2 или 3 сентября 1905 года серию „исторических“ „сред“ Вяч. Иванова на его „башне“».⁷⁰

В своем очерке Пяст дал развернутую характеристику творчества Вяч. Иванова: «Влияние Вячеслава Иванова теперь только начинается, и вряд ли можно взять надлежащую перспективу в оценке его; уместно только упомянуть о том, что все

⁶⁶ Там же. С. 95.

⁶⁷ Городецкий С. Ближайшая задача русской литературы // Золотое руно. 1909. № 4. С. 66—81.

⁶⁸ Там же. С. 70.

⁶⁹ Там же. С. 71.

⁷⁰ Пяст В. Встречи / Сост., вступ. статья, науч. подг. текста, комм. Р. Тименчика. М., 1997. С. 46.

новые силы, действительно давшие за самое последнее время что-нибудь на поэтическом поприще, — должны признать себя обязанными творчеству Вячеслава Иванова и связанными с ним теснейшими узами». ⁷¹

Вл. Пяст говорит о «прозрачности» стихотворений Вяч. Иванова и намекает на одно из основных свойств «Эроса» — иносказательность, суггестивность, когда через видимое проглядывает иная реальность: «Стихи Вячеслава Иванова прозрачны, и следовательно, сквозь них видно нечто». ⁷²

«В начале очерка упомянув о „прозрачности“ стихотворений Вячеслава Иванова, мы оговорились, что „Эросу“ не присуще это свойство, общее для остального (не исключая и большей части «Cor Ardens» ⁷³) творчества поэта. Действительно, все воспетое поэмой протекает в „ограждение властных роз“, по слову самого певца „Эроса“; в ограждение, сквозь которое не проникает глаз. Это — замкнутый со всех сторон благоуханный сад. (...) Такой сад, маленький земной рай, на длинном пути любви вселенской являет маленькая земная страсть. В нем отдыхает усталый путник и в сладкой неге, вдыхая „зной отравный благовонной тесноты“, то вспоминает об утраченном рае, Платоновском рае предвечных идей, где пребывала душа до рождения, то предчувствует будущую „большую страсть“, в которой сочетаются любовь и страдание». ⁷⁴

Чтобы осветить творчество поэта по возможности полно, Пяст, следуя установкам издательства, ⁷⁵ дополнил критический очерк о Вяч. Иванове подборкой избранных стихотворений, в том числе из «Эроса»: «Змея», «Сад Роз», «Вызывание Вакха», «Гость», «Ниц и светел».

Краткое упоминание «Эроса» находим также в мемуарах поэта: «А между тем „Эрос“, книга, вся сотканная из творческих „открытий“, — вся целиком написана в течение короткого срока именно среди напряженности вот такой нерегулярной жизни, — истинная дочь прилива вдохновения, которое, которое, когда придет, переплескивается через плотины, ставящиеся ему „режимом“, жизнью, усталостью, переутомлением, заботами и страданиями!» ⁷⁶

Позднее, в 1955 году в «Петербургских воспоминаниях» ⁷⁷ М. Гофман подчеркивал, какое воодушевление вызвал сборник стихотворений «Эрос» по выходе в свет: «Он (Вяч. Иванов. — Е. Б.) в это время был еще под впечатлением последней книжки своих стихов „Прозрачность“, манифеста, написанного им в сотрудничестве с Георгием Чулковым, — „Мистический анархизм“ (...) и самых прекрасных стихотворений, которые в следующем году составили его сборник „Эрос“. Вячеслав Иванов много декламировал (...) Помню, в какой восторг мы пришли от заключительного стихотворения в „Эросе“:

Млея в сумеречной лени, бледный день

(понижение голоса)

Миру томный свет оставил, отнял тень.

И зачем-то загорались огоньки,

И текли куда-то искорки реки.

И текли навстречу люди мне, текли

(повышение и ускорение),

⁷¹ Пяст В. Л. Вячеслав Иванов. С. 268.

⁷² Там же. С. 266.

⁷³ Сборник «Cor Ardens» вышел в 1911 году. Но корректуры набора были изготовлены раньше (см.: [Брюсов В.] Переписка с Вячеславом Ивановым. С. 498—501). С ними Пяста, видимо, познакомил Иванов.

⁷⁴ Там же. С. 273.

⁷⁵ Подборки публикуемых стихов согласовывались с авторами (см.: Лит. наследство. 1982. Т. 92. Кн. 3: А. Блок. С. 289—290).

⁷⁶ Пяст В. Встречи. С. 96.

⁷⁷ Гофман М. Л. Петербургские воспоминания // Новый журнал (Нью-Йорк). 1955. Кн. 43. С. 120—133; цит. по: Воспоминания о Серебряном веке. С. 367—378.

Я вблизи тебя искал, ловил вдали.
Вспоминал: ты в околдованном саду,
Но твой облик был со мной, в моем бреде».⁷⁸

Ко второй группе откликов на «Эрос» относятся отрицательные рецензии литературного критика и пародиста Александра Александровича Измайлова (1873—1921). В начале 1900-х годов его отзывы не отличались доброжелательностью к модернистским экспериментам. Измайлов не принадлежал к близкому окружению Вяч. Иванова, хотя они и были формально знакомы.⁷⁹ История отношения Измайлова к Вяч. Иванову подробно рассмотрена в статье А. С. Александрова «Вячеслав Иванов в критической оценке А. А. Измайлова».⁸⁰ Опираясь на эту работу, мы стараемся более пристально взглянуть на отзывы Измайлова именно об «Эросе».

Мысль об обращенности Вяч. Иванова к далекому прошлому Измайлов развил в рецензии «Новые нравы в литературе. Новое стихотворство. Вяч. Иванов и его неоархаизм. „Эрос”»,⁸¹ посвященной выходу «Эроса». Не без иронии он отмечает, что Иванов — глава школы и мэтр и «за ним уже определяются тени еще, кажется, ничего не написавших, но уже великих Потемкиных и ему подобных». Измайлов не видит ни новых впечатлений, ни новой философии любви в произведениях поэта: «Эротизм, мистика, демонический и титанический порыв, тяготение к космическим олицетворениям, заигрывание с Солнцем и Мраком, с Хаосом и Вечностью, реставрация харит и муз, Гермесов и Эросов, Деметр и Дионисов — все это так не ново, если не сказать, так старо».⁸² В книге «Эрос» «вся эта бутафория старого стихотворства применена к Эросу, к любви, к страсти, — нормальной или извращенной». Измайлов находит у Иванова несоответствие между «очаровательной красотой звука», «великолепной техникой» стиха и основной нехваткой ясности. Свой отзыв он дополнил двумя пародиями «Эрота выпренных и стремных крыльях на...» и «Истомных сред моих яд чарый пролив», в основу которых легли мотивы из стихотворений сборника «Эрос».⁸³

Год спустя в сборнике статей «На переломе: Литературные размышления» Измайлов походя упомянул «Эрос» Вяч. Иванова в качестве примера «стилизированных имитаций» под Державина и Ломоносова.⁸⁴

В пересмотренной и расширенной версии статьи 1908 года, озаглавленной «Лавочка антиквария. Нео-архаисты и стилизаторы» (вошла в книгу Измайлова «Помрачение божков и новые кумиры»), раздел, посвященный Вяч. Иванову, дополнен некоторыми положительными комментариями, связанными с обсуждением стихотворений из «Эроса», — например, «Сирена» и «Сад роз». Измайлов пишет, что Иванов хвалит за его мастерство техники и «благозвучную красоту», но эти особенности остаются обособленными от ясности мысли, и его главная проблема — его разъединение с современной душой.⁸⁵

⁷⁸ Там же. С. 370.

⁷⁹ Так, Ф. Ф. Фидлер отмечал в дневнике, что 11 марта 1906 года на вечере поэтов у В. П. Авенариуса присутствовали и Измайлов, и Вяч. Иванов (см.: *Фидлер Ф. Ф. Из мира литераторов* / Изд. подг. К. Азадовский. М., 2008. С. 432—433).

⁸⁰ Александров А. С. Вячеслав Иванов в критической оценке А. А. Измайлова // Вячеслав Иванов: Исследования и материалы. 2010. Вып. 1. С. 417—429.

⁸¹ Измайлов А. А. Литературные заметки [Новые нравы в литературе. Новое стихотворство. Вяч. Иванов и его неоархаизм. «Эрос»] // Биржевые ведомости (утр. вып.). 1907. 9 июня. № 9937. С. 2. Выход сборника Вяч. Иванова «Эрос» отмечен также в рецензии Измайлова в «Русском слове» (1907. 15 мая. № 110. С. 2).

⁸² Измайлов А. А. Литературные заметки. С. 2.

⁸³ Измайлов А. А. 1) Шаржи и пародии // Биржевые ведомости (утр. вып.). 1907. 19 авг. № 10055. С. 2; 2) Вячеслав Иванов // Свободные мысли. 1907. 28 мая. № 2. С. 3.

⁸⁴ Измайлов А. На переломе: Литературные размышления. [Вячеслав Иванов. Валерий Брюсов. Зинаида Гиппиус. А. Каменский. Андрей Белый. Ал. Блок. М. Кузмин]. СПб., 1908. С. 5.

⁸⁵ Измайлов А. А. Лавочка антиквария. Нео-архаисты и стилизаторы // Измайлов А. А. Помрачение божков и новые кумиры. СПб., 1910. С. 76.

Рецензируя сборник лирики «Эрос» в статье 1909 года «Молодые побеги. Поэзия новых дней: Вячеслав Иванов, Сергей Городецкий, И. Рукавишников»,⁸⁶ Измайлов отметил, что Иванов является искусным ритором и истинным знатоком античной культуры и древней философии.

Вместе с тем рецензент рассматривал сборник стихотворений «Эрос» в качестве имитации стихов Державина и Ломоносова: «...Иванов вдруг метнулся к первым зорям русского стихотворчества, к державинской оде, к пиндарическому парению, к заржавевшим железным словам, какими звенел певец Филицы».⁸⁷ В качестве примера поэтической стилизации под Державина и Ломоносова Измайлов цитировал «Три жала», «Пожар», «Сад роз».

Подведем некоторые итоги. Вяч. Иванов как ведущий теоретик русского символистского движения сыграл ключевую роль в формировании литературы русского модернизма и во многом определил ее. Отзывы об «Эросе» Измайлова, далекого от идей Вяч. Иванова, интересны в первую очередь тем, что они аккумулировали возможные упреки широкой читательской публики, с предубеждением относившейся к «декадентским исканиям». Напротив, М. Волошин, Е. Герцык, В. Брюсов, С. Городецкий, С. Соловьев, Ан. Чеботаревская принадлежали к кругу единомышленников автора в широком смысле этого слова. Довольно большое число откликов на «Эрос» показывает важность внутреннего опыта Вяч. Иванова в первую очередь для них. Большинство рецензентов из модернистского лагеря отмечало, что новая книга Иванова посвящена Эросу как более общему началу, «опрокинутому» в индивидуальную сферу (бога-Эроса). Почти все они сходились во мнении, что «Эрос» — призыв, заклинание бога Эроса, донесенные до них поэтом; что Эрос — не бог чувственной страсти, но что он должен изгладить межи, разделяющие человеческие души друг от друга. Новаторский сборник Вяч. Иванова, будучи фактически не замечен массовой аудиторией, был по достоинству оценен и осмыслен писателями-модернистами, биографически связанными с поэтом и дал важные импульсы их оригинальному творчеству.

В заключение хотелось бы упомянуть, что отзывы об «Эросе» высказывались и позднее В. Д. Гарднером,⁸⁸ С. М. Городецким,⁸⁹ Г. И. Чулковым,⁹⁰ И. Г. Эренбургом,⁹¹ С. К. Маковским.⁹² Новый этап восприятия «Эроса», уже в составе «Cor Ardens», выходит за рамки темы данной статьи.

⁸⁶ Рецензия появилась почти одновременно в двух изданиях: 1) Новое слово. 1909. № 2. С. 120—124; 2) Биржевые ведомости (утр. вып.). 1909. 7 февр. № 10947. С. 2.

⁸⁷ Измайлов А. Молодые побеги. Поэзия новых дней: Вячеслав Иванов, Сергей Городецкий, И. Рукавишников // Новое слово. 1909. № 2. С. 121.

⁸⁸ В Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки в архиве Вяч. Иванова сохранилось несколько писем Гарднера 1910—1913 годов (РГБ. Ф. 109. Карт. 15. Ед. хр. 55. 20 л.). Два письма Гарднера к Вяч. Иванову от 29 апреля 1912 года (РГБ. Ф. 109. Карт. 15. Ед. хр. 55. Л. 12—15) и 6 мая 1912 года (Там же. Л. 12—15, 17—20 об.) опубликованы Богомоловым. См.: Богомолов Н. А. Addenda // Новое литературное обозрение. 1996. № 19. С. 191—194 (републикованы: Богомолов Н. А. К биографии В. Д. Гарднера // От Пушкина до Кибирова: Статьи о русской литературе, преимущественно о поэзии. М., 2004. С. 304—311). Эти письма интересны как реакция Гарднера на «Эрос», не скованная пиететом перед мэтром.

⁸⁹ Городецкий С. [Рец. на кн.:] Вяч. Иванов. Cor Ardens. Часть первая. Cor Ardens. Speculum Speculorum. Эрос. Золотые Завесы // Речь. 1911. 24 окт. № 292. С. 9.

⁹⁰ Чулков Г. Поэт-кормищик // Аполлон. 1911. № 10. С. 62—64.

⁹¹ Эренбург И. О некоторых признаках расцвета русской поэзии // Русская книга. 1921. Сент. С. 1—5.

⁹² См. его мемуары: Маковский С. Вячеслав Иванов в России // Новый журнал (Нью-Йорк). 1952. № 30. С. 135—151; то же в сб.: Воспоминания о Серебряном веке. С. 114—129.